

Мы вклинились в плотный график Марка Захарова на 14.00. Договорились побеседовать полчаса. За стеклянной дверью просторной комнаты был виден большой овальный стол, за которым сидели человек десять актеров театра - Марк Захаров, главный режиссер Ленкома, проводил установочную беседу. Кроме нас возле двери красиво стояла красивая актриса, чуть поодаль солидно стоял солидный мужчина, у стены - группкой еще несколько человек. Мы все ждали его. - Ловите его! Он очень занят! - предупредила нас его помощник, фактически, пропуская нас перед собой... Ровно в назначенное время Марк Захаров вышел.

- Извините меня, пожалуйста, у меня... - он улыбнулся мягко и приветливо - он! - извинялся!

- Марк Анатольевич! Что Вы!... - мои ладони сложились в жест, повторяющий мои слова.

- ...Один важный человек, который занимается некими спонсорскими... лоббированием спонсорства. Он пришел немножко не вовремя... Решил что... Через три минуты я в вашем распоряжении.

- Пожалуйста!... сколько нужно!

- Но у вас же тогда останется совсем мало времени? Вы в глубине там - ничего не затаите?

- Мы, просто, будем говорить и думать быстрее! А в глубине... - тут я сделал зловещую паузу... - Нет, не затаим ничего!

Он улыбнулся и пропустил в дверь солидного мужчину. Ровно на три минуты.

Процессы космического развития - продолжаются

Важно сделать несколько решительных, смелых и рискованных, дерзких шагов

- Нашу газету мы вам передавали. Основная мысль газеты - не делать солому, приперченную, интересную просто, а делать то, что бы щипало, толкало, кололо, подбигало читателя на работу головы и души.

- Вы сказали про солому, я сразу вспомнил. Я всегда уважал одну газету... - что-то она с соломой завязала... Соломы напихала много.

- По нашему мнению, это такая сейчас тотальная тенденция.

- Да?

- Да. И это вызывает то, что люди перестают смотреть телевизор, читать газеты, и вот ДЛЯ ЭТОЙ части людей - а их становится все больше и больше, и рост идет по экспоненте - мы делаем нашу газету. Это и есть новая журналистика. И вот с Вами - нам бы хотелось поговорить... Что хорошего произошло в Вашей жизни в последнее время?

- В последнее время в моей жизни произошло - не знаю, второе или третье - рождение нашей первой рок-оперы "Юнона и Авось". Мы были в 80-м году первыми. Это была "современная опера". Зарубежные гастроли нас подвинули к тому, чтобы мы назвали это "рок-оперой". Несколько лет назад возникла новая волна интереса к этому спектаклю, который живет уже 20 лет. Недавно мы отмечали, и Президент преподнес грамоту нашему бессменному исполнителю главной роли Николаю Караченцеву: 800 спектаклей он сыграл за это время. Без замены, без пропуска.

- Это хорошее событие.

- Подросло поколение детей наших первых зрителей, и оказалось, что этот спектакль они приняли. Причем, более восторженным образом, чем родители. Не так давно мы ездили в Петербург на гастроли, и в финале, когда у нас идет финальное "Аллилуйя!", - выскочили ребята по 15, по 14 лет в проходы партера, сняли куртки и стали размахивать над головой к ужасу билетеров, которые не знали - это хулиганство или...

- ...или другое поколение?

- Или это другое поколение. Или это какая-то особая радость. А для нас - это был праздник. И с момента, когда мы это ощутили, почему-то волна интереса стала возрастать.

- "Юнона и Авось" для меня - САМАЯ непонятная ваша работа. Потому что содержание ее исчерпывается тем, что молодой человек долго плыл по океану,

потом увидел девушку, не смог сдержаться... У него - какие-то отношения с девушкой, родители - испанцы - естественно, возмутились. Девушку заперли дома, потому что иначе просто нельзя. Он поехал, по пути, точно так же, как он там не сдержался, - неорганизованно - по пути простудился, умер, и девушка осталась.

- Да. Ну, это вы так сжато рассказываете любовную историю. На самом деле, это обрастает еще более серьезными проблемами. Это было первое кругосветное путешествие россиян. Самое начало XIX столетия, русские еще не пускались на своих фрегатах... И у него было первоначальное задание установить с Японией торгово-культурные связи. Он был на Аляске, понял, что там русско-американская компания переживает кризис, спустился вниз в Калифорнию, там были испанские переселенцы, и он установил с ними торговые отношения. Несмотря на запрет испанского правительства. Так что он выполнял важную миссию дипломатическую. Это первое. А второе - его возлюбленная, Кончита, она совершила такой, совершенно вне всякого здравого смысла и какого-то прагматического, бытового, нормального, поведения человеческого... Она совершила поступок, который не укладывается...

- И здесь мы выходим на очень важную тему - поступки, которые вырываются из прагматических причин и мотиваций...

- Да, да, да. У нас есть Ромео и Джульетта. Но они - СОЧИНЕННЫ великим человеком.

- ...и этим вопросом проникнуто все, что Вы делаете.

- Да?

- Да.

- Ну, я очень рад, что вы так думаете.

те. Я не думаю, что у меня все получается...

- Ну, может быть, я не все видел... (общий смех)

- Да, у меня были спектакли... - единственно, меня ангел-хранитель спасает, я подряд слабых спектаклей не ставил. Если был один так себе, то второй был обязательно хороший... И поэтому ее поступок - то, что 35 лет она выходила на берег моря, отказала, будучи самой красивой женщиной в Калифорнии, так считали в тогдашней испанской Калифорнии, отказала всем претендентам на ее руку и осталась верна этой помолвке, которая состоялась перед отплытием... Но САМОЕ для меня поразительное, что я узнал позже - не хватило знания этого вопроса, хотя я серьезно подошел, так же как и Вознесенский, автор самой истории - БЫЛА, ВЕДЬ, ТОЛЬКО ПОМОЛВКА. Никакой такой... Никаких интимных отношений - не было.

- Но в спектакле-то, ведь, речь идет о том, что ее братья за ним погнались... Это все меняет! Если там такая светлая линия.

- Вы понимаете, испанцы встретили враждебно, возникли сложности, они объективны. Но в отношении того, была ли у них любовь в таком, интимном, что ли, аспекте - не было! Был ритуал помолвки. Она осталась верна и взяла потом обет молчания... Это - первая радость. А второе - несмотря на то, что я здесь почти 30 лет руковожу театром, я опять выпустил спектакль, который привлек - "взял" - внимание зрителя, и пользуется очень большим успехом. "Шут Балакирев", последняя пьеса Григория Горина, моего друга, единомышленника и одного из строителей нового Ленкома. То, что удастся сегодня вообще взять внимание зрителей... Привлечь прессу и зрителей в театр - очень сложно, по-

тому что мы переживаем ту информационную революцию, новую цивилизацию информационную, последствия которой для нашей психики и для нашей культуры, и для наших вкусов, для изменения наших настроений - вещь непредсказуемая. Мы оказались в новой совершенно цивилизации - и интернет, и космическое телевидение...

- Вы боитесь затеряться в этом море информации?

- Трусость, она меня, такая режиссерская, сопровождает все 30 лет. Я очень пристально слежу, как зрители заполняют зрительный зал Ленкома, и как идет, это самое... - декартная продажа билетов.

- Но они же хорошо заполняют?

- Они хорошо заполняют. Но! Все имеет финал. И жизнь человеческая, и творческий потенциал коллектива или отдельного художника, человека, все равно. Какими бы долгожителями мы ни казались, в какой-то момент - все равно, дело кончается смертью... Так уж устроена наша Вселенная.

- И получается, что мы в каждую секунду боремся против этой смерти?

- Мы боремся против этой смерти, и пока мы боремся достаточно удачно. Привлекаем новые поколения Ленкомовцев, чтобы была некая органичная связь со старшим поколением. У нас сейчас главную роль в последнем спектакле играет совсем молодой мой студент, выпускник актерской группы режиссерского факультета, моей мастерской в Российской Академии Театрального Искусства, Сергей Фролов. Которому я очень благодарен, что он закончил только музыкальную школу, а не консерваторию - тогда мы бы его не увидели... Он замечательно играет в финале на английском

рожке, достаточно сложном инструменте. Это и реквием, некая память, как воспринимают друзья Григория Горина, к которым я отношусь. И с другой стороны, это попытка некоего просветления и катарсиса в связи с печальными событиями, которые происходят в пьесе... Хотя они временами очень - гомерически! - смешны.

- Вы видите, как меняется мир, как меняются люди?

- Может быть, я высоко не забираюсь в какие-то божественные сферы, стараюсь быть скромным, так сказать... - я так, дальше ангела-хранителя не поднимаюсь. Но он мне подсказывает - когда я смотрю из 17 ряда или общаюсь с молодыми студентами в театральном институте - ЧТО надоело людям. Что сделано хорошо уже - другими. И что может иметь шансы на то, чтобы заинтересовать зрителей и стать театральным событием. Не смотря на обилие художественной информации, которой мы сейчас так окружены со всех сторон.

- "Зрелище" - это один из аспектов театра. Тем не менее, в искусстве всегда существует некая духовная миссия: сказать какую-то суть, какую-то глубину. Как Вы чувствуете эту свою миссию?

- Я очень боюсь этой формулировки - "миссия", потому что у каждой профессии есть свои профессиональные заблуждения. У режиссера есть, по крайней мере, две болезни, которые я знаю очень хорошо и с которыми борюсь с помощью иронии, самоиронии. Это "абсолютная безапелляционность": вот, что я говорю - как некоторые пенсионеры, примыкающие к КПРФ - это "истина в конечной инстанции". И второе - некое "мессианское начало": что я, вообще, так сказать, - посланец космоса и преобразую эту планету. И поэтому говорить о миссии - нет. Особенности этого театра, наверное, в некоем разнообразии приемов и создании некоего зрелища, которое интересно и гурманам театральным, знающим цену спектаклю, и людям, которые первый раз пришли в театр.

- Безусловно, человек, который излучает, он может легко закончиться с сторону мессианства, он с этим должен...

- Может!

- ...Бороться. И как-то избавляться. Но это один вопрос.

- Особенно, когда если успех, и когда выходишь на сцену, и начинают

Какими бы долгожителями мы ни казались, в какой-то момент - все равно, дело кончается смертью... Так уж устроена наша Вселенная.